

ОУИ НБ МГУ №1638

О самом фантастическом путешествии по стране, первой туристической поездке за границу и распаде СССР

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1638>

🎤 26 сентября 2013

Собеседник

Родоман Борис Борисович

Ведущий

Самодуров Юрий Вадимович

Дата записи

Беседа записана 26 сентября 2013 и опубликована 24 октября 2018.

Введение

В одиннадцатой беседе «эпоса жизни Бориса Родомана» речь идет о новом периоде в жизни географа — и всей страны: времени после 1991 года. В год путча Родоману исполнилось 60 лет — пенсионный возраст, которым ученый наивно рассчитывал воспользоваться, однако пенсию съела инфляция. В результате он стал работать над новым учебником по географии Центральной России во Временном научно-исследовательском коллективе «Школа». Этот период стал очень плодотворным этапом творческой биографии Родомана. Кроме того, в 1991 году благодаря только что появившейся фирме он вместе с коллегой совершил двухнедельное путешествие по всей России. Еще одно путешествие этого периода — первая самостоятельная поездка за границу на автобусе — Польша, Германия, Франция и Бельгия. Как и всегда, рассказывая о посещенных местах, Борис Родоман делится собственными неожиданными наблюдениями, делает обобщения и выстраивает необычные классификации стран.

Юрий Вадимович Самодуров: Ну хорошо, сегодня у нас 26 сентября 2013 года, у нас сегодня одиннадцатая встреча и беседа с Борисом Борисовичем Родоманом. Как сказал руководитель лаборатории устной истории Дима Споров, у нас получается «Эпос жизни Родомана». И я это название принял, оно мне очень понравилось.

Борис Борисович Родоман: Да Родоман не такая уж важная личность, и я не думаю, что кто-то будет этим интересоваться, кроме, может быть, каких-то [моих знакомых] людей...

Ю. С.: Ну вот, тем не менее, эпос жизни Родомана у нас получается и сегодня одиннадцатая встреча, и не будем загадывать, сколько будет еще.

Б. Р.: Да, конечно. Ну, хорошо, значит, мы остановились на 91-м годе, это год, безусловно, нашей революции...

Ю. С.: Да.

Б. Р.: ...91-го года, отрешиваться от слова «революция» не нужно, к счастью, она прошла первоначально для москвичей бескровно, а ее кровавые последствия были потом очень даже заметны вдали от Москвы.

Ю. С.: Вот предвидели вы или нет такой дурацкий... предвидели чего-то, предчувствовали?

Б. Р.: Да, мы предвидели распад СССР, вот, предвидели, хотя...

Ю. С.: Тогда почему и каким образом? Это интересно.

Б. Р.: Дело в том, что моя позиция такая, что Советский Союз развалился из-за того, что страны Балтии потребовали аннулирования пакта Риббентропа-Молотова. Строго говоря, эти страны по их пониманию не выходили из Советского Союза, они считали себя оккупированными.

Ю. С.: То есть не то, что не выходили, а не входили.

Б. Р.: Они не входили

Ю. С.: Да, не входили

Б. Р.: ...с их точки зрения, а если они не входили, значит, они и не могли из него выйти. Поэтому, строго говоря, достижение независимости странами Балтии, оно может быть даже не подходит под конституционное разрешение республикам выйти из СССР. А вот остальные республики этим воспользовались, не сами республики, а их элита правящая, не элита, но как вот сказать, правящая верхушка. Они решили: «Чем мы хуже?» И они кинулись делить пирог. Когда они увидели, что что-то разваливается, они приняли это все делить.

Ю. С.: Борис, Борисович, но это соображение, как говорится, уже задним числом, а вот до тех пор, пока этого не произошло, вы как географ...

Б. Р.: Ну вот у меня была статья «Выйдет ли РСФСР из СССР?»¹, она же была опубликована до развала СССР.

¹ Родоман Б. Б. Выйдет ли РСФСР из СССР? // Согласие. Издание литовского движения за перестройку. 1990, № 7 (29), 12 – 18 фев., с. 14; [то же] // Атмода. Инф. бюл.. нар. Фронта Латвии «Пробуждение», 1990, 12 фев.

Ю. С.: Да?

Б. Р.: Да. Так что вот, видимо это как-то носилось в воздухе и без Амальрика... Еще что я могу сказать. Я могу сказать, что вот когда я перешел в Институт развития образовательных систем в начале 91-го года, когда СССР еще существовал, и мне была поставлена задача написать учебное пособие или даже, как тогда думали, учебник по географии Центральной России. И кроме того у нас уже вышло учебное пособие, которое не я написал, тоже по географии России, и там «СССР» понятие было уже превентивно...

отсутствовало, потому что все понимали, что СССР... Это все, что я могу сейчас сказать, иначе я буду уже себе приписывать, все это задним числом себе приписывают, то что «я это говорил!», поэтому я не буду в это углубляться, я только хочу сказать, что мои статьи <нрзб>, которые печатались в балтийской прессе. Потом еще один такой факт, когда я поступил в Институт развития образовательных систем, который тогда назывался ВНИК — Временный научно-исследовательский коллектив «Школа», куда меня взяли, чтобы я там писал учебники для школы. Совершенно мне не свойственно это. Ну, тогда же не представляли, что из этого получится. И вот сразу же мы во главе с Абрамовым — нашим шефом, замечательным таким человеком, который и сейчас борется в этой сфере, педагогической, блестящий педагог и учитель, вот поехали в Эстонию, сразу же в командировку. Задача командировки была такая — приспособить русские школы в Эстонии к независимости Эстонии, которая наступит несомненно, но дело-то было в 91-м году, а независимость стран Балтии была признана нашей страной в сентябре 91-го года, а мы в феврале туда ездили. Тогда еще никакого антирусского движения там не было, все в общем всё это обсуждали, как это в независимой Эстонии (конференции были на русском языке, это были учителя русских школ), как все это сложится. Так что вот это все было. Значит так, я сейчас уже по некоторым темам буду говорить. Значит, в 61-м (*оговорка: в 91-м*) году мне должно было стукнуть шестьдесят лет.

Ю. С.: В 91-м

Б. Р.: Да, вот у нас это, значит, совпало, у меня начался период пенсионный в 61-м году (*оговорка: в 91-м*), развалился СССР в 61-м (*оговорка: в 91-м*), и я поступил на работу в это странное учреждение, потому что наша Лаборатория туризма и экскурсий развалилась, ее съела конкурирующая организация Институт туризма. Вот три таких перелома совпали с 91-м годом. И вот, значит, я попал туда, и когда разогнали нашу Лабораторию туризма и экскурсий, я настолько был простодушен, что я думал: «Да, вот сейчас я выйду на пенсию и буду получать сто тридцать два рубля или сколько там максимально и буду жить на эти деньги, заниматься своим делом, в том числе наукой, никакой службы мне больше не надо». На самом деле период, который наступил после этого, был самым плодотворным у меня не по числу новых идей, но по числу публикаций, конечно. Но это связано с разными причинами, понятно. Вот я попал в [Московский] Институт развития образовательных систем [МИРОС], который тогда назывался Временный научно-исследовательский коллектив «Школа» вместо того, чтобы меня приняли на работу, скажем, в Институт географии. Я считаю, что Институт географии Российской Академии наук — это единственное учреждение, в котором мне следовало бы работать, так я туда не попал, я всю жизнь там был как бедный родственник.

”

На моих глазах туда брали девушек, окончивших геофаки, некоторые из них уже дожили до пенсионного возраста и некоторые даже покинули этот мир, а я по-прежнему там околачиваюсь в качестве бедного родственника, где меня все любят и уважают, но на работу не берут и никогда уже не возьмут.

И, конечно, такое учреждение, как Временный научно-исследовательский коллектив «Школа», — это, конечно, не то учреждение, где мне следовало бы работать. Но возвращение в Московский университет... для меня дорога была закрыта и сам я туда, конечно, никогда бы не пошел, а в Институте географии меня все любили, но... И вот в МИРОСе я решил писать учебник по географии Центральной России. Дело в том, что в таких границах никогда никаких учебных пособий не было, так что сами по себе границы оказались самым оригинальным. Казалось бы, ничего особенного, ну и потом тоже в таком масштабе, потому что были или москвоведение — это Москва, или уже география всей России, а ведь надо же что-то более подробное, промежуточное, потому что изучение географии всей России, тем более всего мира, оно не дает человеку представления о той земле, которая ему доступна для повседневных посещений. И потому что все-таки Центральная Россия — это место, куда можно даже и на короткое время приехать [из Москвы]. И это, конечно, захватило, более того, я сразу же понял, что мне как-то не справиться одному с этой работой, потому что я все-таки преимущественно теоретик, я путешествовать люблю, но я из своих

путешествий делаю выводы какие-то теоретические, а здесь нужно все знать, все правильно написать о каждом городе, о каждом регионе. Я пригласил своего более молодого друга Михаила Романовича Сигалова, который с радостью за этого дело взялся. Я сделал его своим соавтором. И мы решили с самого начала, что мы не будем делиться и указывать, кто что написал, мы знаем, кто что написал и у меня это кое-где отмечено. И мы стали работать над этим учебником. Сначала нам казалось, что это учебник, но потом, когда он попал этот проспект в руки учителей, они его, естественно, сразу же забраковали. Меня обвинили в русофобии уже тогда, да, уже в 91-м году, потому что национализм и тогда был силен в учительской среде. Мы, конечно, там или я, вернее, очень так сказать по Советскому Союзу ударили

Ю. С.: А что было основанием для обвинения?

Б. Р.: Я сейчас уже точно не помню, потому что, ну что-то... в недостатках патриотизма обвинили, еще в чем-то, потом, ну, в общем, там были еще какие-то обвинения, но еще дали на рецензию Смирнягину — моему другу географу из Института географии (или где он тогда работал), он был советник президента Ельцина тогда. Он написал восторженный отзыв, так что географы, к которым попало это на рецензию... и мы получили за это грант Сороса, я уже сейчас не помню какая сумма, потому что очень трудно сравнивать, в течение 91-го года деньги вообще очень менялись. Что-то там около ста тысяч рублей, но это не о чем не говорит.

Итак, значит, учебник центральной России, я пригласил соавтором Мишу Сигалова, который занялся этим с большой любовью, потому что он в отличие от меня теорией не занимается, он любит факты, факты он любит все, и если он видит, знает какой-то факт... я знаю еще одного такого географа — мой покойный друг Игорь Любимов, которые любили факты, но не обладали способностью к генерализации, их обобщениям, они обращались с фактами, как коллекционер или человек, который один за другим приобретает красивую прекрасную вещь и с ними расстаться он уже никогда не может. Поэтому усвоив, узнав какой-то факт, он старается его немедленно, конечно, вставить в свою книгу. И такой человек для меня был полезен. Я посетил больше городов Центральной России и районов, чем он, но он тоже много ездил. И вот мы даже получили грант Сороса и даже мы его, конечно, не на эту работу истратили, а не знаю на что, ну, просто проели, наверное, но вот начало было хорошее. Это было лето, еще не август, это было лето, весна я бы сказал еще, май. Уже в Эстонию мы съездили от этого института в феврале, а это был май примерно, июнь.

Самое поразительное путешествие

И тут у меня появилась интересная возможность, мы с Мишей Сигаловым на самолете облетели всю Россию за две недели. Это было самое поразительное путешествие в моей жизни, поразительно было и то, что нашли люди, которые нас отправили в это путешествие, поразительно и то, что они от нас не требовали никакого отчета и вообще ничего. Это был бурный, удивительный 91-й год.

Ю. С.: А нельзя сказать, что это за люди?

Б. Р.: Можно сказать, значит, ко мне пришел Миша и сказал, что он связался с фирмой, которая называется «Ризалт». «Ризалт». Я вначале вообще не понял, что это такое, а потом я понял, что если написать по-английски, латинскими буквами, то это слово того же корня, что и «результат». «Ризалт» — это фирма, это консалтинговая фирма. А что такое консалтинг? Конечно, я и не знаю, что это такое, но потом я понял, что это от слова консультация. Консультация, insult — это слова одного корня, латинские слова, латынь-то мне знакома. Консалтинговая фирма. Миша Сигалов подрядился взять у этой фирмы пуд брошюр, которые они напечатали. Пуд, ну, сколько-то в общем, сколько...

Ю. С.: Шестнадцать килограмм.

Б. Р.: Ну, может быть, не пуд... Брошюр о том, как организовать муниципальное управление.

Ю. С.: А каких-то людей оттуда вы знали?

Б. Р.: Я никого там не знал. Так Миша сказал мне, что ему одному ехать как-то боязно, страшно и вообще как-то одному как-то неудобно, кто-то же должен поддержать чемодан, пока другой пойдет в туалет, ну как так путешествовать-то. Он мне сказал, что они согласились, чтобы он взял с собой товарища какого-то, вот он меня и взял. Я один раз заходил в эту фирму, но я там ни слова не проронил, за меня он все говорил. Нам выдали много денег, которые тогда показались большой суммой, хотя инфляция уже шла, вот там сторублевые только были бумажки у нас, ну, по-моему было четыре тысячи, сейчас трудно уже понять современным людям много это было или мало.

Ю. С.: Но какое у вас было задание?

Б. Р.: Вот значит, задание было такое: во многих городах, в основном в центрах субъектов Российской Федерации сделать так, чтобы там заинтересовались этими брошюрами и чтобы их у нас купили. Не то чтобы их раздавать, а чтобы у нас их еще и купили, но это было совершенно фантастично. Ну, вылетели мы из Домодедово, правда вылетели мы не сразу — рейс отменили, отложили на пять часов, нам некуда было деваться, мы пошли в какую-то деревню и там лежали на сене, отдыхали пока нас...

Ю. С.: Вы себе составили маршрут путешествия или нет?

Б. Р.: Конечно, это был великолепный маршрут, я никогда его не забуду. Значит, мы полетели из Москвы прямо в Читу. Чита, мы там не ночуем, нам нужно лететь дальше, куда-то еще. Ах вот как, значит, в Чите нам надо было посетить город Петровск-Забайкальский. Дело в том, что Миша еще и руководствовался своими географическими интересами, то есть были города, которые он хотел посетить. Поэтому я не помню, мы поехали из Читы в город Петровск-Забайкальский, и там мы вошли в кабинет какого-то начальника, и Миша ему что-то говорил, я не проронил ни слова. Это так у нас прошел день, потом мы ночевали у одного географа в Чите, который принял нас очень, конечно, тепло. Миша его знал, у этого географа мы ночевали, потом я помню ночь мы где-то бродили около аэропорта и полетели дальше в Комсомольск-на-Амуре. Прилетели мы в Комсомольск-на-Амуре, по сути дела, у меня за плечами было уже две бессонные ночи.

” Конечно, о Чите кое-какие впечатления остались: деревянные дома мне очень там понравились, они не такие, как в Томске, но эти же кварталы безжалостно разрушаются, сейчас их нету, совершенно другого типа там деревянные дома, такие же, как потом, не потом, а как в XVIII и XIX веке построили россияне на Аляске и в Форт-Росс в Америке, вот такой же архитектуры деревянные дома в Чите.

Ю. С.: Борис Борисович, вот один интересный факт о Чите, которого вы наверняка не знаете.

Б. Р.: Да, наверняка не знаю.

Ю. С.: Вот пусть он прозвучит. В Чите был редактором газеты как раз в то время, городской газеты Виктор Курочкин, вот этот Виктор Курочкин, кажется в 89-м году, умудрился открыть первый в России счет для сбора средств на памятник жертвам политических репрессий. Вот мы с ним, в общем, связались, был значок, и мы очень гордились, что вот этот человек узнав об этом движении вот сумел такой счет открыть. Потом он в Москву переехал, депутатом был и так далее. Тем не менее, Чита был городом, в котором в нашей стране, в СССР еще, был впервые открыт счет...

Б. Р.: Ну обо всем этом надо писать книгу, я не знаю, когда ты напишешь книгу по истории правозащитного движения и своей роли в ней? А?

Ю. С.: Никогда.

Б. Р.: Ну зачем же тогда. Нет, ты должен это сделать... Ну хорошо, значит, мы прилетели в Комсомольск-на-Амуре... гостиница... днем... пытались спать. Я уже улегся в постель, напрасно, конечно, испортил белье,

вот, но все равно же мы заплатили, нам же все оплачивалось, вот ничего. Вдруг выяснилось, сейчас катер отходит в сторону... по Амуру. Интересно, наше путешествие еще было тем удивительно, что мы путешествовали две недели, и по будним дням мы летали на самолетах, а по остальным — по выходным дням, в субботу и воскресенье, мы пользовались наземным транспортом, как водным так и... И вот мы идем по Амуру на судне, на подводных крыльях. Оно идет больше суток от Комсомольска-на-Амуре до Николаевска-на-Амуре, с ночевкой. В населенном пункте, название которого сейчас забыл, там живут ульчи — это местные такие народы, ульчский такой район, фактически национальный, у него нет статуса национальный, он там поддерживается как национальная культура. Мое впечатление от Амура — очень своеобразное.

Амур мне не показался рекой, он не имел для меня вида реки, я не видел его берегов, идущих параллельно, мне казалось, что это цепь озер, которые вытянуты перпендикулярно.

Вот из одного озера в другое мы через проливы проходим. Видимо, там такая тектоника, что там все как-то вытянуто с запада на восток, а Амур это все пересекает. Вот такое впечатление. Потом у Амура столько рукавов, столько пойменных озер, потом это с самолета видно, что, конечно, Амур никак не укладывается в моем представлении, по крайней мере в низовьях, как какая-то линейная река, даже меандрирующая, даже и не знаю про меандр, вряд ли он там есть. Вот это как цепь озер, соединенных проливами, и берег очень далеко. Ну, приехали мы в этот районный центр, там переночевали в гостинице, что-то там мы говорили об ульчах, может быть, нам следовало там задержаться на сутки и нас бы повезли на машине на берег моря Японского в сторону Татарского пролива, но как всегда Миша всегда сожалеет, что мы это чуть было не сделали. И вот мы нашим катером на подводных крыльях дальше прибываем в Николаевск-на-Амуре. Николаевск-на-Амуре — город еще тогда был одноэтажный деревянный. Теперь дальше, я не помню, чтобы в Николаевске-на-Амуре мы встречались с какими бы то ни было чиновниками, я этого не помню, чтобы мы там выполняли вообще какое-то задание. Мы по городу ходили, и потом как-то я быстро заметил, что мы часто на улице встречаем одного и того же человека. Один раз, значит, мы в парке только говорим: «А кому этот памятник?», как этот культурный прохожий сразу нам подсказал, какой это памятник, потом еще где-то я его видел, и последний раз я видел его, когда мы садились в самолет лететь в Хабаровск, и он тоже тут был.

Ю. С.: И как вы думаете, кто был этот человек?

Б. Р.: Понятно кто, сразу приставили уже.

Ю. С.: Ну кто?

Б. Р.: Ну сразу, ну кто-кто, КГБ, конечно, же, сразу же приставили. Ну, в Николаевске-на-Амуре по-моему я не помню, чтобы мы были у на приеме у кого-то, хотя мой друг Миша, он же общается с людьми, я вообще общаться с людьми не люблю, я в дурацком положении, он за меня, не за меня, а просто говорил. Потом мы летим, значит, в Хабаровск. Ой, так здорово!

Днем мы летим над Амуром, это же так здорово, прилетаем мы в Хабаровск, я там уже второй раз был, но все равно это великолепно.

Ну, там у нас есть же еще свои коллеги-географы, мы тоже к ним заходим, вообще все это очень здорово, на троллейбусе едем по городу, общаемся, потом мы летим оттуда...

Ю. С.: А к начальству-то ходили? К начальству-то с книжками ходили?

Б. Р.: Да, где-то по-моему я что-то не помню где же мы ходили, может быть в районе Читы, где-то там, нет, никто ничего не купил, в общем, мы там... Потом что-то Миша сказал, что мы зря их вообще возим,

нам надо было их оставить в камере хранения в Домодедово. Вот, но вообще даже действительно странно, я не помню, может кому-то подарили несколько брошюр, в общем, таскали мы этот не то ящик, не то мешок с этими книгами, брошюрами в общем. Ну вот, и летим в Кемерово, ты представляешь? В Кемерово летим.

Ю. С.: Из Хабаровска.

Б. Р.: Да. Нет, подожди, мы летим в Новосибирск. В Новосибирск летим, да, прямо в Новосибирске есть аэропорт Толмачево. Мы летим в Новосибирск, тоже там укладываемся спать в каком-то общежитии, но ненадолго, нам надо лететь в Томск.

Ю. С.: То есть вы в Новосибирске, в общем, и не выходили

Б. Р.: Нет, в этот не, в этот раз нет, мы не были в Новосибирске, ну я уже в нем был достаточно... Тоже я не помню, чтобы в Новосибирске мы какие-то брошюры кому-то вручали, да нет же, мы только были в аэропорту. Так тут получилось, что мы летим врозь — сначала он, потом я. Он, потом следующим самолетом я. Прилетели в Томск. В Томске встречались с каким-то начальством, что-то там было у нас.

” Но Томск произвел впечатление своими деревянными домами. Изумительная деревянная архитектура. Я хочу сказать, что самые красивые деревянные дома я видел в Томске и в Стамбуле. А еще к ним добавлю оригинальные — это в Чите и в Вологде.

Ю. С.: В Чите тоже?

Б. Р.: Да. Ну, они попроще, без всяких излишеств, но эти окна, эти крыши, как-то все... и вот...

Ю. С.: Это все начало XIX века, модерн или все-таки пораньше?

Б. Р.: Да это, видимо, в начале XX-го уже строили такие, в конце...

Ю. С.: Ну начало в смысле XX-го, извините, оговорился, то есть такой модерн вот предвоенный?

Б. Р.: Я не могу сказать, нет это какая-то классическая сибирская изба, ну, городской дом все-таки, я не специалист в этом, сейчас тем более. А в Вологде тоже мне очень нравились дома с угловыми лоджиями, с такими нависающими крышами, но нет, это не ценят, все это сейчас уничтожено, никто не понимает ценность этих домов. Ну вот, ну, а в Томске, конечно, жалко очень, там такие вычурные, там резьба, такие вычурные эти всякие колонны все эти, крыльцо, боже мой, эти крыльца такие красивые, но уже тогда стоял вопрос о сохранении домов, и, конечно, они не сохранились, их поджигали вовсю. Тем более сейчас, когда риелторские поджоги обязательно. Вряд ли удалось что-то сохранить.

” Я не знаю почему в Турции с этим все ясно: дом сгорел — сразу же строят такой же, такой же новодел, да, но абсолютно такой же. Нет никаких проблем, они все стоят там столетиями, красивые деревянные дома, у нас так почему-то нельзя.

Вот этим мне запомнился Томск. Из Томска мы на автобусе едем в Кемерово. Видим там немножко лесостепь самую восточную в Евразии, липовые леса, дальше уже их не будет к востоку. Приезжаем в Кемерово, ну, там я был, кажется, ага первый раз да, а второй раз я потом там побывал по-моему, или нет я второй раз там был или в прошлом году перед этим. Ну вот, Кемерово — город шахтерский. А из Кемерово...

Ю. С.: Впечатления о городе?

Б. Р.: Ну, социалистический город, благоустроенный, в центре там все хорошо, квартиры все-таки коммунальные, но сталинские такие дома красивые очень, раскрашенные. А ты там был?

Ю. С.: Нет.

Б. Р.: Угу. В центре красиво: проспект, все это как положено. Дома невысокие, по четыре-пять этажей, снаружи... я еще видел в Березниках вот такие дома, это определенный период нашей истории — красивые дома парадные на центральных проспектах, а квартиры, конечно, коммунальные. Набережные, много трамваев. Ну, тоже была в эти годы поездка в этот край, я вот не помню в каком году, то ли в 92-м, то ли немножко раньше, или на год раньше — в 90-м, нет, кажется в 92-м. Ну вот, но мы не будем на это отвлекаться. Иначе так мы никогда не кончим мое воспоминание. И вот дальше мы летим, из Кемерово мы летим... в Челябинск! Но там мы в городе не бываем, а сразу из аэропорта мы летим в Магнитогорск. В Магнитогорске город очень грязный, не хочется выходить на улицу, там-то дым такой, я вообще хочу спать, но меня вытащил Миша, и мы пошли к какой-то тетке там на прием из местного начальства, а тетка... Сначала не поняли кто мы такие, и они думали, что мы местные жители, которые приходят на что-то жаловаться, и она нас страшно облаяла и вообще стала выгонять, а потом когда она поняла, что мы не те, она уже с нами заговорила вежливо, но без всяких извинений.

”

Ну, у меня такие случаи тоже бывали, когда я прихожу к местному начальнику, он думает, что я посетитель и начинает на меня орать, как я смел сюда войти без разрешения, а я наоборот же в командировке и прислан, чтобы с ним беседовать.

Так что поэтому я ненавижу все это начальство, мне все это очень противно, и мне хотелось, конечно, поскорее уехать из Магнитогорска, я не хотел его осматривать, у меня вопреки тому, что географ должен любить все места и интересоваться всеми, все-таки мне там не хотелось. Опять наступил очередной выходной день, то есть день, который судьба так устроила, что мы не на самолете летим, и мы поехали на поездах уже в Башкирию. Замечательно, в общем, на электричке мы пересекли Урал или то, что там от него осталось, потому что он не очень ярко выражен, и прибыли в город Белорецк. В Белорецке я до этого бывал, год назад, в данном случае мы в Белорецке не выходили, мы пересели на электричку, на этой электричке мы уже тоже с пересадкой одной доехали... или нет, сначала мы тоже пересели, видимо, на поезд с тепловозом, потом еще на электричку, и так мы доехали до узловой станции, название которой я сейчас не помню, и из нее на юг и приехали мы, кажется, в город Стерлитамак.

Ю. С.: Как ни странно, я в нем был.

Б. Р.: Вот. Он меня поразил, в общем, мне очень понравилось там: и его окрестности, и там эти стада коров, которые по улице проходят и возвращаются к себе домой по асфальтированным улицам, троллейбус ждет пока коровы пройдут, какие-то пляжи, какие-то там поля с клубникой, тюрьма в центре города — все это, в общем, было интересно. В гостинице нас приняли хорошо, потому что только что у них там были кавказцы, и они оставили после себя такую гору грязи и мусора, невероятную, в общем. Ну, она обрадовалась, что пришли славяне, так и в общем она, конечно, нас очень хорошо приняла. Там все это убрали — этот ужасный мусор. Люди просто оставляют в комнате бутылки там, всякую грязь, все прочее, это ужасно. Ну, в общем, Стерлитамак мне почему-то очень понравился, я его даже называл «башкирской Тарусой» или что-то в таком вот духе, я сейчас всего этого не помню уже. А потом поехали в Оренбург на поезде, который [город] тоже мне очень понравился, Оренбург, много было восточного колорита: там караван-сарай, потом мечетей много. (А второй раз я был в Оренбурге уже в прошлом году.) И уже на самолете оттуда в Москву, в Домодедово. Не знаю, что потом стало с этими ящиками с брошюрами, то ли мы его выкинули, то ли привезли обратно, но с меня никто ничего не спрашивал, и все! И больше мне в эту фирму «Ризалт» не пришлось ходить. Вот так чудесно!

Я помню тоже мне как-то в эти же годы устроили поездку в Сибирь тоже опять в Кемерово, потом

в Таштагол — в Горную Шорию, чтобы я там что-то придумал о ее будущем. Я там написал целую программу о том, как ее использовать для рекреации, это было в марте, я видел как горнолыжные склоны там... Все это я написал такой проект хороший, но мне обещали за это заплатить, но не заплатили ни гроша, но местный географ мне сказал, что я должен испытывать моральное удовлетворение от того, что я Родине пользу принес. Дорогу, конечно, мне оплатили, а на обратном пути мне не смогли достать билет на самолет, меня посадил в вагон СВ, где я, как барин, ехал три дня. Ну, в общем, были у меня такие поездки.

Околонаучная и порнографическая публицистика после 1991 года

Теперь дальше, в моей жизни вот произошли какие сдвиги: нужно сказать, что вот в этом периоде моей жизни после 90-го года, я, строго говоря, не обогатил науку никакими новыми идеями, но у меня в основном это была научная популяризация или публицистика. Я очень уже сползал в эту сторону, особенно в экологическую, околонаучную публицистику, все больше статей, написанных ярким языком в защиту нашей природы и ландшафта. Много таких публикаций, невозможно сейчас даже припомнить, потому что большая часть публикаций у меня была именно в этом периоде, это объясняется тем, что у нас наступила свобода слова, тем, что появились и частные издательства. Ведь в советское время всего лишь в четырех экземплярах, «Эрика» — четыре копии, ничего нельзя было без разрешения цензуры². Вот, значит, мое вращение в публицистику с политическим уклоном началось примерно году в 89-м: я сотрудничал в балтийских газетах, газетах стран Балтии — в газете «Молодежь Эстонии», потом в газете Atmoda — латышское движение за перестройку и в аналогичной же газете в Литве, название я сейчас точно не помню. И вот особенно для меня яркой была публикация...

² Цитата из известной песни Александра Галича «Мы не хуже Горация»
<http://www.bards.ru/archives/part.php?id=4132>

Ю. С.: Они вас публиковали в переводах или на русском?

Б. Р.: Я посылал на русском и это публиковали на русском, потому что русскоязычных читателей достаточно. В переводах на эстонский язык у меня в советском периоде было много статей. Для эстонской газеты (*журнала*) Eesti Loodus — «Природа Эстонии». Поэтому в Эстонии у меня опубликовано в советское время около четырнадцати статей, из них семь на русском языке в «Трудах Тартуского университета», и, видимо, около семи тех же самых частично на эстонском языке в журнале «Природа Эстонии» — Eesti Loodus. В данном случае эти публицистические статьи были. Например, одна статья называлась «Жупел национализма»³ — в ней я поддерживал оборонительный национализм, потому что я вообще различаю, я не считаю, что огульно нужно называть всякий национализм пороком, пока национализм освободительный, национально-освободительное движение — это одно, но он, как мы знаем очень часто перерастает уже в наступательный. Но для малых стран это исключено, а для более крупных... так что все это, конечно, я там писал... Но была, конечно, наивная вера в демократию, я этого тоже не избежал.

³ Жупел национализма // Атмода. Инф. бюл. Нар. фронта Латвии
«Пробуждение», Рига, 1989; 0,2 л.

И вот, значит, эти вот газеты политические за перестройку, которые еще так внятно еще не требовали отделения от СССР, но дело к этому шло, было всем это очевидно, ну ты помнишь — это там Балтийская цепь, это все как выстроились, взявшись за руки⁴. Это недавно, в этом году проделали в Каталонии с той же целью, я, кстати, тоже очень поддерживаю независимость Каталонии и мне очень не хочется говорить, что я был в Испании, я всегда говорю: «Я не был в Испании, я был в Каталонии», потому что я убедился, что Каталония — это не Испания, ее совершенно случайно завоевали триста лет назад и пора, конечно, от этого освободиться, и она, несомненно, получит независимость.

⁴ Балтийский путь, или Балтийская цепь, — акция, проведенная 23 августа 1989 г., во время которой жители Литвы, Латвии и Эстонии взялись за руки и выстроились в живую цепь длиной около 600 км.

Ю. С.: Seriously?

Б. Р.: Да, несомненно. Ну вот. И они сейчас очень вспоминают опыт стран Балтии, хотя это совершенно разные, конечно, случаи. Одинаковых случаев в истории не бывает. И вот интересно, какой был дрейф: значит, во главе одной из этих газет стоял некий Владимир Линдерман. Не знаешь такую фамилию? Так вот, он какой-то политический деятель или авантюрист или журналист. Владимир Линдерман. И он занимался политикой, а потом он перешел и стал редактировать эротическую газету «Еще». Эта газета эротическая, ее не назовешь порнографической, хотя, конечно, там есть, ну, трудно сказать...

” Мне не нравятся эти термины как порнография, проституция и я стараюсь их не употреблять.

Эта газета сыграла огромную роль в сексуальной революции, потому что...

Ю. С.: А где она издавалась?

Б. Р.: Она издавалась в Риге на русском языке, распространялась она в России и продавалась широко в Москве, широко, и мой первый рассказ, который я там написал, даже продавщица этой газеты читала, и она была от него в восторге.

Ю. С.: У вас там был рассказ опубликован?

Б. Р.: Да, не один, у меня много было там рассказов. Но сейчас это не тема, конечно. И гонорары я получал. И Владимир Линдерман сам мне вручал, и вот, когда он мне вручил гонорар сто долларов, а тогда это было много в 94-м году, когда я к ним присоединил еще что-то, я впервые же за границу вырвался уже в новейшее время — в 94-м году. Поэтому, когда я ездил во Францию там с группой туристов в поезде, я им сказал, что я порнописатель, и вот на эти деньги я еду за границу, ну вряд ли это кто-то мог так понять, потому что, когда говоришь людям правду, они не могут понять, что ты им говоришь

Ю. С.: Сколько у вас там рассказов было?

Б. Р.: У меня там рассказов или эссе было около семи или восьми, но я ими очень дорожу, они в моем архиве есть, там есть такой рассказ «Жучка»⁵, который, собственно говоря, рассказывает не только о событиях таких полупорнографического характера, но вообще как-то объясняет всю мою семейную жизнь и мою женитьбу современную, в общем, все это есть. Если у вас этого нету, есть у тебя это, ты просто не обратил внимания, я тебе все это посылал.

⁵ Родоман Б. Счастливый конец для жучки. // Ещё. Независимая эротическая газета. — Рига, 1994, № 2 (22), с. 12. <https://www.proza.ru/2016/01/18/1732>

Ю. С.: Я посмотрю.

Б. Р.: Да, ну, не можешь же ты как и всякий человек, читать все, что тебе дают. Так что есть этот рассказ «Жучка» у тебя есть, в электронном виде он есть у меня. Ну вот, значит, эта газета, и я эту газету очень уважаю, сейчас под этим именем тоже издается какая-то гадость там с матом на русском языке в Москве, но это совершенно другое. А там еще очень известные писатели российские участвовали, и там у них портреты есть все, они через это прошли. В общем, эта газета сыграла большую роль в раскрепощении советского народа, русскоязычного народа на территории СНГ, распространялась она по всему СНГ, и там, в общем, много такого было интересного. Ну и, конечно...

Первая заграничная поездка после распада СССР

И вот в 94-м году для меня состоялся первый выезд за границу в новейшее время. В советское время мне дважды удавалось вырваться за границу: первый раз — во время хрущевской оттепели, в Финляндию, в 56-м году на две недели я вырвался. Второй случай был, когда мы с моим коллегой Любимовым путешествовали по Южной Сибири, и когда мы хотели попасть в один район Тувы, нам сказали, что туда можно проехать только через Монголию, поэтому мы пошли в местное учреждение, нам там выдали загранпаспорта, и мы побывали в Монголии, проехали через Монголию и обратно через Монголию. А потом я вернулся в Москву с загранпаспортом, а мой паспорт остался у них, они же тогда отбирали, потом мне его через ОВИР переслали. Две таких поездки у меня были: в Финляндию и в Монголию. Но о Монголии говорили: «Курица — не птица, Монголия — не заграница». Хотя, конечно, впечатление на меня Монголия произвела большое, мне казалось, что я побывал в Казахстане на двадцать лет раньше, то есть как 52-й год. А теперь я впервые соприкоснулся с Западной Европой. Начал я сразу, по-моему, это путешествие стоило около тысячи долларов...

Ю. С.: Вы поехали сам, один?

Б. Р.: Нет, не один, группа была, группа. Из Москвы мы выехали поездом...

Ю. С.: Но это туристская группа или какая?

Б. Р.: Да, туристская группа из Москвы случайных людей, незнакомых между собой, абсолютно друг другу не подходящих ни по интеллектуальному, ни по какому уровню. На поезде до Белостока, причем самое нелепое было — это смена колес. Ну хорошо, сменили колеса, на это ушло там часа три, а потом всего сорок минут ехать, и ты в Белостоке. Почему сразу нельзя было выйти, скажем, в Гродно и пересесть на польский автобус и ехать дальше по Европе? Нет, нельзя. Железнодорожники говорят: «А чем бы мы тогда занимались? Нас тогда надо всех уволить».

”

Я у железнодорожников поинтересовался, когда обратно возвращался, почему сейчас уже нет таких поездов Москва — Париж и вагонов стало мало, он мне объяснил, почему в лучшее советское время было четыре вагона в поезде Москва — Париж. Знаешь почему? Потому что жены дипломатов возили барахло.

Сейчас это отпало, другие способы, то же барахло можно в Москве купить. А что касается колес, смены колес — эта нелепая операция, которая делается у нас во многих местах, в трех, что ли, местах на границах с Западной Европой, это вот потому что такой консерватизм. До революции-то проще делали: там, скажем, вот в Финляндии на границе со Швецией... нет, в других местах, по-моему, на границе с Германией, там просто делали: там два поезда становились параллельно на одну платформу и носильщики перетаскивали вещи из одного вагона в другой. А на границе Финляндии со Швецией там, где Ленин возвращался в запломбированном вагоне, там делали так: там были города Торнио и Хапаранда. В Торнио выходили и садились на извозчиков, а они на санях везли через лед и там же садились в поезд с узкой колеей.

И, значит, заграница. Сначала Белосток — город, где было около двадцати костелов и около восьми православных церквей. Потом, значит, Белосток, потом на автобусе мы приезжаем в Варшаву, немножко в ней выходили, но я и потом побывал в Варшаве достаточно. Потом на западных землях в Польше, по сути дела, это бывшая Германия, потом дальше мы всю бывшую ГДР проскочили без единой остановки, без единой, так быстро. Этот автобан построен еще при Гитлере, ничего не видно кроме лесов, не видно никакой Германии, все как на другом уровне железной дороги пересекается, напомнили мне леса в восточной части Московской области, в районе Шатуры или где-то еще такие вот посажены сосны.

Потом, значит, территория бывшей Западной Германии, первая остановка. Первая остановка в настоящей загранице. Западная Европа, мы в полном шоке. Все такие красивые все вещи, такой буфет, все это. Вбегаешь в туалет — ничего не понятно: туалет чистый, какая-то девушка каждую каплю мочи за тобой тут же вытирает.

” Торчит что-то похожее на фаллос, что это такое — кран. Как помыть руки, как открыть кран? Не понимаю, машу руками, дергаю, ничего не ясно, обращаюсь, умоляю человека, который уже был за границей, он мне объясняет, я сейчас сам не помню, что.

Потом это все первое в очереди стоим в буфете, в общем, берем какую-то еду, все для нас необычно, все странно, красиво. Потом уже начались... какой-то там лес проезжаем, в общем все. И тут выясняется, что-то у нас там... дело в том, что наши шоферы в Польше обнаружили... Да у нас был ремонт, автобус сломался в Польше, мы там потеряли время на ремонт часов пять, потом, когда мы отъехали, выяснилось, что шоферы забыли документы в мастерской. На следующие сутки мы полдня в городе Лагув-Любуский торчали, пока шоферы за свой счет съездили на такси в тот город забрать документы, и мы в Париж опоздали на сутки. У нас в Париже всего-то три дня, а тут теперь только два. Ночью мы проскочили Нидерланды. Я их не видел, по сути дела, одна ночь, я не могу сказать, что я был в Нидерландах. Дальше сплошные, сплошные указатели. Бельгию у нас отнесли на обратный путь, и вот мы въезжаем уже во Францию. На рассвете, Кортрейк — есть такой город, по-фламандски Кортрейк, а по-французски он называется иначе. Вот, значит, большой пограничный переход – это как въезд на платную автодорогу. Видел да такие как стоят рядом?

Ю. С.: Да, да...

Б. Р.: Одинаково, что въезд на платную автодорогу, что пограничное. Значит, это пять часов утра примерно, июль, светло, людей ни души. Нас кто сопровождает: два шофера из Польши — польские шоферы, гид и администратор.

” И вот наш администратор с бумагами выскакивает на пограничный пункт — никого, некому документы показывать, никто, никого нет, все спят, и все шлагбаумы открыты. Так въехали во Францию.

Что меня там поразило, что там есть сельская местность, и знающие люди мне подтвердили, да вот пока едем до Парижа, действительно есть какие-то поля, а я же привык, что уже в Бельгии все сплошь там застроено. Ну, Париж, значит боже ты мой! Стоит вообще это говорить, это интересно или нет?

Ю. С.: Да, да.

Б. Р.: Наше место, где мы должны ночевать, называется Санлис, Санлис — это к северу от Парижа недалеко от аэропорта... какого же там аэропорта? Орли или де Голль — я уже не помню. А дело в том, что у меня со словом «Санлис» были воспоминания смолоду. Дело в том, что годах в 60-х я клеился к одной девице, имя которой, помню, было Эмилия, она называлась Мила. Я к ней клеился, и эта девица, конечно, не прочь была выйти за меня замуж, но она вовсе не собиралась становиться моей любовницей. Поэтому для того, чтобы регулировать это мое влечение, она, чтобы избавить, чтобы как-то отвлечь меня от полового влечения, меня водила в театр. Вот она повезла меня в театр имени Гоголя около Курского вокзала, и спектакль назывался «Ужин в Санлисе».

”

Я сижу, меня одолевает настоящий голод пищевой и, конечно, меня одолевает и половое влечение, и я ничего не понимаю в сюжете этой пьесы, вообще ничего не понимаю, зачем. Потом что-то все происходит, что происходит, не понимаю, что происходит, и в конце входит лакей и говорит: «Ужин подан». И тут занавес опускается.

На всю жизнь я запомнил название спектакля «Ужин в Санлисе», и может быть даже я прямо сейчас в интернете потом и найду. Ну так вот, и вот вдруг Санлис, а там столько дорожных указателей и везде Санлис, Санлис, Санлис — это как ты здесь выезжаешь из Москвы и едешь чуть ли не до самой Тулы, везде написано Подольск, Подольск, Подольск, направо, налево. Чтобы повернуть налево сначала же направо надо выехать, ну... Эти все, конечно, развязки для меня это было ново, потом карьеры, которые выкопаны были для строительства этих же автодорог, они подверглись зарыблению и они засажены лесом, там сидят рыбаки. И вот Санлис и вот мы прибываем, а у нас там гостиница называлась что-то «Формула-1», совершенно одинаковая. Гостиница — это такие какие-то странные бараки, там крохотные комнаты, меня поселили с мужиком, похожим на меня по возрасту (я был как всегда самый старый, а он сравнительно молодой — шестьдесят с чем-то) там совершенно крохотный душ, туалет, но все есть, но окно почти отсутствует. И вот в этих гостиницах мы за некоторым исключением все время жили. И вот совершенно не выспавшись, только приняв душ, такой был душевный подъем, мы въезжаем в Париж в общем, с севера въезжаем в Париж. Сразу же такая куча людей, какие-то там эстакады, очень много мусора, очень много много негров, много негров, много мусора, и я понял так что...

”

У меня впечатление такое, что Париж — это большая мусорная свалка, которая наполняется в течение дня, а потом начинается генеральная уборка, которая продолжается видимо всю ночь, а с утра заново опять.

Колоссальное количество отходов в смысле всяких там этих фруктов, овощей. Потом дворы видны из автобуса, которые не засажены травой, а гравием покрыты, гравием сплошь, это тоже для меня было ново. Ну, Париж, конечно, приехали в центр, там собор Нотрдам, лавки букинистов. Ты был в Париже, да? Еще эта как это капелла как она называется там к западу от собора, Монмартр... на острове Сите. Ну, что я тебе скажу, были там двое суток, в Лувре я был сорок минут, пролетел пулей. Ну, а что делать, ну что, ну вот, потом там было у нас какое-то, так называемое свободное время, его было очень мало, в метро я... пользовался я метро. Люксембургский сад посетили, меня поразило, что там люди сидят на стульях, а не на скамейках. У нас эти стулья, наверное, украли бы, не знаю почему-то у нас нет стульев. У нас должны быть капитальные скамейки, а лучше, чтобы их вовсе не было, так удобнее для администрации парка. Потом писсуары, напомнившие мне кинофильм «Скандал в Клошмерле». Не знаешь такого кинофильма?

Ю. С.: Нет, и писсуаров тоже не видел.

Б. Р.: Метро, недостаток которого в том, что там нельзя перейти с одной платформы на другую, если они боковые, ты теряешь право на билет. Потом клошары вот эти вот, такие там бродяги или бомжи, видел их? Ну, они несколько от наших отличаются. Я помню, что один из клошаров вдруг ко мне начинает приближаться со свирепым видом, но вдруг он увидел девушку, сразу переориентировался — и к девушке, а девушка эта его лягнула ногой. Она так вскинула ногу и так дала ему по заднице, что он отлетел, в общем. Это, конечно, все как-то не по-нашему. Потом эти граффити, туда проникают эти художники и исписывают все. Потом запах там кое-где стоит немножко такой все-таки специфический, у нас в метро воздух чище. Эта главная линия, где, кажется, вместо металлических колес первой линии по-моему каучуковые. Короче говоря, я и до Дефанса добрался, по Шанз-Элизе мы ездили несколько раз на автобусе, но пешком не довелось ходить, на Эйфелеву башню поднимались, в том числе на самый верх.

Дом Инвалидов тоже, где могила Наполеона, латинский квартал, так что ночная жизнь там, два дня, в общем. Потом Версаль мы посетили, потом проскочили Фонтенбло, потом Орлеан... Интересная история, мне говорили, что там статую Жанны д'Арк немцы во время оккупации позолотили. Дело в том, что немцы тогда же воевали с англичанами, поэтому для них Жанна д'Арк была тоже героиней — для фашистов. И вот они, значит, ее статую позолотили, а когда немцев изгнали, то французы долго не знали, что делать с этой позолотой и решили оставить. *(Усмехается.)* Значит, Орлеан, его эти галереи, все улицы такие в виде галереи, потом древнеримский мост, который построен в III веке и до сих пор прекрасно работает, по нему машины ходят. Какой-то город мы пропустили, потом, кажется, был Пуатье, мы из машины не выходили, но по нему очень много кругов делали.

” Наши польские шоферы, конечно, плохо ориентировались во Франции, там очень много круговых перекрестков и вот на круговых перекрестках бывали случаи, что по четыре раза проезжали по кругу.

И другие были случаи, когда я уже говорил: «А мы уже тут ехали». Ну, бывало по три раза, очень много блуждали, но это же хорошо. Когда впоследствии мы из-за перемены гостиницы по Ницце проезжали на автобусе больше часа подряд, боже ты мой, как я ее хорошо увидел с автобуса. Ну, короче говоря, сейчас буду говорить побыстрее. Мы приехали в Бордо, потом какое-то там посетили шато. Кажется шато дю Леоньен... Или как-то еще, там вино...

Ю. С.: А шато — это что такое?

Б. Р.: Шато — это поместье, ферма, нечто среднее. Маленький такой винодельческий комбинат, там все свое — и эти бокажи, то есть поля, окруженные лесом. Поле небольшое, может, гектара два, окруженное соснами высокими такими, ветвистыми соснами, не такими, не в виде палок, а в виде развесистых <нрзб>, сосны. Ну, и там, в общем, вино, но оно не в погребах, оно в обыкновенных залах, где поддерживается температура, нужная температура поддерживается с помощью кондиционера, никаких погребов, ничего, хорошее вино.

Ю. С.: Но оно хоть в бочках?

Б. Р.: Да, в бочках оно, не в цинковых цистернах. Ну вот, юг Франции, вот этот город Каркассон средневековый, тоже весь восстановлен, продукт реставрации...

Короче говоря, я сейчас закругляюсь, мы посетили Каркассон, Арль, Авиньон, потом проехали через Дижон, через Лион проехали. Мы были в Лионе, потом... Что у нас там еще по дороге?

Ю. С.: Ну, вы все время мчались и мчались или хотя бы выходили?

Б. Р.: Ну как же, выходили, конечно. Но не так, как в Исландии в недавнее путешествие. В Исландии мы выходили часто и выходили из машины фотографировать. Здесь все-таки от города до города. Так просто выходили только в туалет.

Ю. С.: А в городах-то выходили?

Б. Р.: Ну конечно, у нас давалось сначала немножко... Дело в том, что с нами была девушка в качестве гида, она абсолютно невежественна была, ну, как всегда у нас сейчас — устраивается человек на работу по блату. Есть какая-то фирма, он берет своих друзей и родственников туда и все, а они ничего не понимают, им на месте говорят, что надо делать. Но главное, что она не знала французского языка, она обходилась английским. По-французски она не то что не знала, она не могла правильно прочесть там и произнести ни одного названия. Ну ничего, как-то обошлось. Ну, потом проехали мы Лотарингию — города Мец и Дижон очень непохожие, я даже хотел написать статью «Два сердца Лотарингии». Дело в том, что Лотарингия формально была независимым государством еще до второй половины XVIII века,

потому что зять короля очередного Людовика, или Луи, был бывший польский король Станислав Лещинский, которого из Польши выгнали, и вот там ему дали в управление эту Лотарингию, там ему памятник есть, там он у них называется Станисла, еще там в Дижоне был троллейбус. А Мец — чисто германский город. И еще помню вот такую историю: я как-то купил на улице банку чего-то типа пепси-колы.

” Мне юноша подал эту банку и он мне улыбнулся, это настолько было поразительно: в России же юноши не улыбаются. У нас, я насколько понял, девушкам они могут улыбаться, но чтобы мне, так сказать, улыбнулся юноша и чтобы у нас, как правило, в кино, если мужчины друг другу улыбаются, то они лыбятся, и сейчас раздастся выстрел, они друг в друга выстрелят или пырнут ножом, насколько я знаю.

Я смотрел некоторые сериалы, например, «Бандитский Петербург», ну вот, так примерно, а тут вот видишь ли такая картина. Когда я рассказал об этом в Москве, они сказали: «Он был, наверное, голубой». Они не могли себе представить, что в сфере обслуживания... вот яркий пример. Ну, я буду дальше заканчивать. Да, нет, подожди, ярко, как мы возвращались в Россию. Потом Люксембург посетили мы, потом Бельгию, Брюссель, потом в Германии только Кельн. Меня что в Кельне поразило — что там вокзал железнодорожный расположен в центре города впритык с собором Кельнским, просто рядом центральный вокзал. И я подумал, а что, если на Красной площади Курский вокзал, например бы, находился. Как бы это выглядело, вместо ГУМа был бы вокзал Курский? В общем, как-то интересно очень. Толпа туристов перед собором, какой-то негр, который быстро снимает с себя трусы и надевает их, так, что только показываются гениталии, вокруг пляшут какие-то люди — хиппи с барабанами, в общем, пляшут. Ну, в общем, такая вот раскованная обстановочка. Потом наш автобус немножко задел трамвай, но как-то все обошлось, ну, и так далее в общем. Ганновер мы пролетели, не заметив его, вернулись в Польшу — в Белосток, и я пытался там найти еще место, где жил Заменгоф — автор эсперанто, но дом этот был сломан во время войны, только мемориальная доска сохранилась. И вот наконец мы возвращаемся в Россию. Опять эта страшная церемония смены колес, мы садимся в Белостоке в поезд, смена колес в Гродно, мы приезжаем в Гродно, значит, год 94-й, и только открыли двери, как толпы белорусов нас осаждают, толпы, и они предлагают нам разные товары.

” Разные товары, они кричат, понимаешь, они протягивают руки: со сметаной, с творогом. Снизу им никто не открывает площадки, и проводник их ногами отпихивает, ногами.

Я одну девушку пожалел, купил у нее банку сметаны. Сметана вроде хорошая, в ней ложка стоит, но в Москве говорят: «Ну, подумаешь, ложка стоит, они туда насыпали там чего надо, и ложка будет стоять». Вот, и тут начался пир, значит, люди у нас же, конечно, страшно сэкономили за границей, страшно же сэкономили на всем. А у нас там заводилой был Альберт-шофер, шофер из Петербурга, Альберт. Вот он был заводилой, и он у нас там философствовал, понимаешь. Философствовал, он произносил какие-то речи, он давал оценку всему, в общем, с патриотических позиций. И вот значит тут он разошелся особенно. Вот они все накупили у белорусов кур жареных, а курица — это традиционная еда русского путешественника, водки купили, и началась жуткая пьянка, чуть ли не с блевотиной.

”

Мы едем, значит, жуткая пьянка, все орут и больше всего слышен голос таксиста Альберта. И он кричит: «***ная Франция! Вот люди, — говорит, — из Италии, из Венеции едут! Что такое Венеция? Она воняет!» Каналы там...

Вот, и так далее. «Мы, — говорит, — Россия, наши женщины лучше всех, но им развернуться не дают». Да кто же не дает? Он же. При нем, кстати, была его жена, она ходила за ним как тень, она все одобряла, все его действия, она молчала. И так мы ехали, в общем. Мне, конечно, тоже было грустно, а мы проезжали, интересно, что когда едешь особенно еще из Смоленской области ты же не видишь никаких городов кроме Смоленска, ничего, как будто земля не населена людьми вообще. Все это, конечно, такой контраст. Вот когда я приехал после первого путешествия, я написал даже такие воспоминания «Десять тысяч лет по Европе»... то есть не лет, а километров. Ну, в общем, воспоминания, особенно самое яркое было воспоминание, когда я в Ницце чуть было не заблудился. Я ночью пошел погулять, посмотреть на проституток, как они выглядят, понимаешь, все-таки это ново же было для меня, в Ницце. В Париже тоже у меня было соприкосновение с ними небольшое. Но, в общем, там, надо об этом рассказывать?

Ю. С.: Да.

Б. Р.: Ну хорошо, я тогда вспомню о Париже. Значит, Париж. Париж значит, Монмартр, поднимались мы на собор Сакре-Кер, я на фуникулере поднимался, не потому что мне тяжело ходить, а потому что я фуникулер люблю. Все это, конечно, там «Мулен руж» рядом, ну, я зашел, значит, в место такое в общем называется «пип-шоу». И какое-то зрелище, значит, такое вот: ты садишься в кабинку, а там за стеклом женщина раздевается, ты сидишь, а она раздевается перед тобой догола. Ну, разделась, показала, а потом выходит — ну что, дальше? Ведь дальше же тоже можно. Ну, я пошел за ней дальше. Пошел за ней дальше, поднялся на второй этаж, и тут меня охватил страх, не только потому, что я советский человек, а потому что я подумал, у меня все документы, все деньги все в брюках у меня лежат, все в кармане, абсолютно все. Я же могу впопыхах и от волнения их там потерять.

”

Я не думал, что меня кто-то там ограбит, но трудно же все, поэтому я в ужасе оттуда бежал, так они бежали за мной и этот сутенер бежал за мной по улице и кричал: «Месье, что же вам не понравилось у нас?» Я подумал: «Боже ты мой, неужели в Москве, по улице Горького кто-нибудь побежит за мной и будет мне кричать: „Сэр, куда же вы от нас ушли? Чем же вам не понравилось в нашем заведении?“»

Вот тоже разница такая. Потом мы погуляли, посмотрели на этих девочек, которые там выглядывают, в общем, все посмотрели на это. Второй раз, теперь в Ницце, это было уже после Парижа, был случай: я ночью вышел из нашей гостиницы, гостиница наша называлась, если по-русски «Никея» в честь города, который основали греки на месте Ниццы, ведь Ницца — это же искаженная Никея, греческий город Никея, который был там еще в VI веке до нашей эры, еще до римлян греческая колония была. А вот Ницца, преобразовалась в итальянское название Ницца. Название Ницца так пришло в русский язык в итальянской форме, когда по-французски называется Нис. И ночью я вышел погулять и прошел я, ну, посмотрел, чем проститутки отличаются, они очень резко отличаются по своему поведению. У нас, например, не поймешь, кто проститутка, а кто нет в нашей стране, а там совершенно ясно, они смотрят на прохожих, они как-то стоят отдельно без вещей, они стоят на остановках общественного транспорта ночью, но не садятся в него. Ну, всё, они на меня смотрят, я на них и так и все пока все, только прошел ночью... Ты был в Ницце? Нет? Ночью, фонтан и так все красиво. Потом я не могу найти своего отеля, боже мой, не могу найти, и дело в том, что я забыл, что наш отель находится севернее железной дороги, а железная дорога там выглядит страшно скромно. У нас железная дорога занимает огромную

территорию, ее нельзя не заметить, а там ее можно не заметить, она проходит между домами, очень узко, проходит она по насыпи, по эстакаде рядом с домами вплотную, и я забыл, что я ее пересек. И что же мне делать, уже полночь, мои знания французского языка очень ничтожны, пришлось мне звонить в полицию. Звоню в полицию и говорю: «J'ai perdu mon hôtel». Они: «Vous êtes, vous êtes...» И я говорю: «Пересечение улицы Берлиоза и еще какого-то композитора». Кстати, я узнал, что вот этот дурацкий обычай называть все улицы именами людей, по-моему, у нас в России заимствован из Франции.

Ю. С.: Да?

Б. Р.: Да. Мне не нравится этот обычай. И у нас он очень выглядит вульгарно. Я не считаю, что улицы надо называть именами каких-то людей, которые никак с ними не связаны. Если они жили на этой улице, там что-то такое — это да, а так это не нужно совершенно, улица должна иметь то случайное название, как и всякий народный топоним, который она получила при своем возникновении, и она будет памятник того события и той эпохи, когда она получила это свое название, и каким бы они ни было дурацким.

”

У нас же считают, что улица — это как колумбарий в крематории, что если улица и носит какое-то старое название, то оно временное, а нужно дожидаться пока умрет какой-то знаменитый человек, и его именем назвать эту улицу.

Так вот во Франции так и делают: везде один и тот же набор улиц Виктора Гюго, там кого-то еще, в общем, все, в каждом городе, известных генералов, кроме Петена, конечно. И так же там тоже или композиторы идут один за другим или ученые. И вот, значит, я назвал этих двух композиторов, на пересечении которых я нахожусь. И сначала они [полицейские] не хотели ехать, но я им сказал, что я старше шестидесяти лет и вообще, что я умру, и что я болен. Они приехали и отвезли меня в гостиницу. Тоже они ее не сразу нашли, потому что гостиниц-то много, для них это... Ну, привезли, а те уже в гостинице говорят, что Родоман уже побывал у проституток. Они все решили, что я был уже в публичном доме. Я это отрицать не стал, потому что это было к моей чести. И, наконец, третье соприкосновение — в Брюсселе. Я к этому робко еще подходил, робко, как советский человек, совок, типичный совок. Брюссель. Строго говоря, собственно Брюссель — это очень небольшой город, центр агломерации, а остальные все территории называются иначе, это разные города. Мы, значит, жили на шоссе де Монс, от центра города тоже близко, но это формально был не Брюссель, а какой-то город в его агломерации. Ну вот, я ночью пошел бродить. Сначала мне нужно было, конечно, познакомиться с трамваями, метро, я спустился туда, заплатил целый доллар за то, чтобы проехать две остановки на этом трамвае, который шел под землей. Приехал на Северный вокзал, там пусто, совершенно никого, электричество не горит, там же его экономят, электричество зажигается, только когда ты проходишь через какой-то зал, и когда ты становишься на эскалатор, он начинает работать, а у нас же это не так, у нас без конца все. Ну вот, я пришел, там никого, потом смотрю на улицу, там кружат машины, машины и стоят, стоят эти девушки, стоят. Но они же для тех, кто на автомобиле, а я пошел пешком, там никто же пешком не ходит. Они на меня тоже посмотрели с некоторым удивлением, но их же нужно, к ним нужно подъезжать на машине и их там сажать в машину. Ну, дальше я пересек вот эту границу, собственно, Брюсселя и вышел на бульвар <нрзб>. Вот смотрю, стоит блондиночка, думаю: «Это для меня!» Она стоит уже для пешехода. И я подошел, но оказалось, денег не хватило. А деньги были в отеле, деньги... Ну, что же делать, в общем? Ну, вот так вот, первые попытки. Ну конечно, я понял, что к тому времени в нашей стране уже этот институт проституции уже к тому времени вполне созрел и лучше пользоваться здесь.

О своем коллекционировании стран

И вот так мы, значит, возвращаемся, и вот я приехал в Москву, и вот я последний раз тогда видел Аленку Арманд, и она меня спросила: «Что тебе больше всего понравилось за границей?» Я сказал:

«Супермаркеты и устройства для инвалидов». Она сказала: «Молодец, ты увидел самое главное». Значит, супермаркеты нас поразили, конечно, тыходишь — это целый мир, вот это все, у нас тогда еще этого не было. И там что самому надо взвешивать, все это в общем, и гастрономический отдел, этот богатый выбор товаров — для нас совершенно ново было. И второе — то, что везде устройства для инвалидов, что человек в инвалидной коляске может и в музей проехать, и в туалет сходить, в общем, для нас это было совершенно ново. Значит, я не буду пересказывать то, что я был во многих зарубежных странах, и сейчас уже, смотря как считать, я считаю с выгодой для себя, по современному административному делению их число перевалило уже за полсотни.

Ю. С.: За полсотни?!

Б. Р.: Да, но я считаю по современному политико-административному делению, признанному в Российской Федерации, поэтому я считаю все бывшие союзные республики СССР, а также Абхазию и Южную Осетию. Я обязан это делать, потому что у меня должен быть какой-то один критерий. Гренландия тоже, это не Дания, она не входит в Европейский Союз, и она находится вообще в другой части света — в Америке.

Ю. С.: Ну хорошо, поскольку вы были в таком количестве стран, то...

Б. Р.: Да, время задавать мне вопросы, конечно.

Ю. С.: Ну вопрос, собственно говоря...

Б. Р.: Задавай мне побольше вопросов, а то мне надоело [монологи произносить]...

Ю. С.: Да нет, что толкает, что вас толкало посетить так много стран?

Б. Р.: Значит так, помимо обычной любознательности, желания увидеть мир, видимо, у меня еще есть и это пошлое коллекционирование именно стран. Я тоже этому поддавался.

Ю. С.: Ну а вот это желание увидеть мир, вот что-то вас... ну, какие впечатления были для вас неожиданные, или все неожиданно, или все наоборот уже?

Б. Р.: Нет, не все неожиданно, мы получили хорошее образование географическое, даже не школу я благодарю (у нас учитель географии бог знает какой был), а самообразование мое, даже не лекции. Что было неожиданно?

Ю. С.: Ну вот, для вас, ну, или важным, вот как для географа. Ну потому что так много стран, ты вот едешь едешь, все одно и то же, гостиницы, гостиницы.

Б. Р.: Нет, не одно и то же, Юра, нет ну почему же одно и то же?

Ю. С.: Ну как, ну одни и те же гостиницы.

Б. Р.: Ну зрительный образ, зрительный образ у меня. У меня перед глазами, я не знаю, если меня спросят: «О чем ты думаешь?», я не думаю, я представляю, у меня постоянно перед глазами какие-то ландшафты, постоянно, и днем тоже.

Ю. С.: А ландшафты тоже?

Б. Р.: Да, конечно, перед глазами у меня проносятся картины, совершенно в произвольном виде.

Ю. С.: Да вы же там все время по городам.

Б. Р.: Да, и не только по городам, и природные ландшафты, которые я посещал в нашей стране. Да, мне там не хватало природы, потому что так построен наш туризм. Наш туризм вот этот самый, низкого уровня, которым я пользовался, разумеется, там природы нет.

Ю. С.: Понятно.

Б. Р.: Людей это не интересует. Конечно, это низкий способ, мои коллеги все ездили на конференции, на конференциях устраивали прекрасные экскурсии, в том числе и в национальные парки. Но я же не ездил за границу на конференции. Я тебе написал свой список, что я никогда не был за границей на научной конференции, меня никогда не посылали ни в какие заграничные командировки. Я вынужден был на свои деньги ездить и по СССР, и по зарубежным странам.

Ю. С.: Ну хорошо, все-таки природа каких стран все-таки вот, ну, скажем так, вот запомнилась в отличие от нашей, потому что у нас все ландшафты, все есть.

Б. Р.: Да, у нас все ландшафты в СССР.

СССР — замечательная страна, в которой для киносъемки были все ландшафты. И если вам нужна Западная Европа, пожалуйста — Рига, если вам нужен Ближний Восток, пожалуйста — Хива, и так далее.

Поэтому таких, значит, ландшафтов слишком отличных, принципиально от того, что было бы здесь где-то в СССР, видимо, нету, потому что СССР я все-таки очень здорово объехал. Но что касается, если сравнивать страны по красоте, страна — это не та территория, которая является носителем красоты, но если говорить формально, то есть для учета красоты не подходящая это ячейка, но тем не менее, если говорить чисто формально, я на первое место вот сейчас поставлю, пожалуй, Исландию, а на второе место Норвегию.

Ю. С.: Ну, вы ввели вот такой критерий как бы при рассказе об этой стране — «страна нормальных людей», «нормальной жизни».

Б. Р.: А, да, это конечно, значит...

Ю. С.: Но это один из критериев?

Б. Р.: Да, последнее впечатление от скандинавских стран, вот Исландия — это тоже скандинавская страна, это страна нормальных людей. Это люди, которые хорошо работают на своем рабочем месте, хорошо отдыхают, у которых сравнительно мало конфликтов, мало пьянства, мало курения, мало эксцессов, вот они просто живут. И вот возникает вопрос о смысле жизни, потому что мы в России привыкли, что смысл жизни — это борьба за лучшее будущее или для себя, или для страны. Это именно борьба, это именно выживание, это именно постоянные усилия, вот что-то такое вот, достижение чего-то. Мы не представляем другой жизни.

Ю. С.: Ну хорошо, а можете вы так, допустим, о Франции сказать? Вряд ли, наверное.

Б. Р.: Нет, Франция, конечно, не такова, она промежуточное положение занимает. Безусловно, там больше проблем, и расовая проблема, и все это, конечно, там и больше всего, конечно, она ближе к нам.

Ю. С.: Хорошо, а вот в этой шкале, ну, так вот просто полюсы на этой шкале, ну вот с одной стороны Исландия, Норвегия, другой полюс — наверное, СССР, да? Ну, в смысле, Россия.

Б. Р.: Может быть, да, но если исключить его, СССР же очень сложная страна...

Ю. С.: Ну, Россия в смысле, Россия, наверное.

Б. Р.: Да, да, наверное, но это же своя страна, она же ни с чем не сравнима, поэтому лучше взять какую-нибудь другую зарубежную страну. В каком-то отношении, конечно, Индия.

Ю. С.: Ну вот, в Индии вы были — это же совершенно другой...

Б. Р.: Индия и Непал, конечно, это другие полюсы, Индия и Непал...

Ю. С.: Это другие полюса совершенно.

Б. Р.: ...где есть и бедность и есть много, и грязь... Так что, да, конечно, ну хорошо, поставим тогда, пожалуй, Индию, хотя об Индии судить трудно, потому что я был только в Гоа, но все-таки я в Непале был. Вот, наверное, поставим из посещенных мной стран Индию, поскольку я в африканских странах не был. В каком-то отношении, да, хотя Индия тоже страна социалистическая, там и паромы бесплатные для людей, и туалеты бесплатные, там так денег не дерут за все, государство там не грабит людей, как у нас, о людях все-таки заботятся, хотя живут они бедно.

Ю. С.: Хорошо, ну вот оставим пока вот эту линию. Вы вырвались в мир, вы его действительно посмотрели, пятьдесят стран...

Б. Р.: Да, я посмотрел его. В Италию в следующий год я съездил, куда еще... в Италию поездка была, включая Сицилию, по дороге Словению, Венгрию, Словакию, отдельно в Венгрию ездил, в Каталонию вот, которая является частью Испании. В последний год я был в Португалии из европейских стран, в Турции я был, конечно, в Анталье в этой пресловутой, и в Стамбуле был...

Ю. С.: Ну, вы ездили, я так понимаю, вот просто на свою пенсию. Ну как удавалось?

Б. Р.: Ну и за зарплату скорее. Зарплата была маленькая.

Ю. С.: Как можно умудриться столько посмотреть...

Б. Р.: Да, никто не понимает, и даже мой коллега Каганский говорит, не может быть, у меня есть какой-то источник дохода. Ну, конечно, вот, может быть, вот то, что гонорар от газеты, и еще эти сто долларов и еще чего-то, но такого было мало.

Ю. С.: Ну, это копейки.

Б. Р.: Ну хорошо, я могу сказать, конечно, все равно никто этому не поверит.

” В последнее путешествие в Исландию, которое закончилось недавно — в августе этого года, я истратил лично около двухсот двадцати тысяч рублей, а зарплата у меня двенадцать тысяч, у меня восемнадцать месяцев деньги накапливались. Я не могу сказать, что я копил деньги, я просто на них не обращал внимания, они копились в банкомате.

И умножь двенадцать на восемнадцать, ты как раз и получишь двести тысяч с чем-то.

Ю. С.: Ну, понятно, а жили на пенсию

Б. Р.: Жил на пенсию, у меня сейчас пенсия — семнадцать тысяч.

Ю. С.: Понятно.

Б. Р.: Уже можно прожить.

Ю. С.: Понятно.

Б. Р.: Ну, у меня же нет особенных потребностей: шмотки все мне кто-то подарил, вот которые на мне надеты. Нет, ну эту рубашку я купил на рынке, но она же стоит недорого.

Ю. С.: Хорошо, а что происходило, грубо говоря, в других, что ли, я не знаю, ну каких-то областях жизни, что ли, других сферах жизни. Вот поездки — одна сфера в жизни, она у вас получилась.

Б. Р.: Получилась.

Ю. С.: Вот вторая...

Б.Р: Ну раз в год только.

Ю. С.: Да, 95-й год, в стране еще, ну, в общем, все как-то еще не устоялось. Вот что от вас хотели на работе, что вы делали на работе?

Б. Р.: О, это замечательный вопрос. Я практически там не сделал ничего, обо мне там забыли.

Ю. С.: Там, это напомниме, где...

Б. Р.: Значит, институт, сначала был Временный научно-исследовательский коллектив «Школа». Там был энтузиаст Абрамов, который меня любил, и я его любил, но все-таки, поскольку он начальник, у меня принцип – начальству поменьше на глаза показываться, и я его не видел годами. Зарплату я там получал в окошечке. На работу я не ходил, ходил только за зарплатой. Постепенно, одно время моим начальником был Дмитрий Замятин, там тоже... Потому что там была могучая кучка молодых людей, которые вот пришли туда со своими идеями: это Замятин и его брат Алексей Замятин, а его зовут Дмитрий, его брат Алексей, потом еще там Рогачев и его брат тоже. Еще у нас муж той женщины Оли Чумаковой, которая меня туда устроила, потому что Оля Чумакова предложила мне туда идти на работу, а я сказал, что я ненавижу школу, а она говорит: «Вот такие люди нам и нужны». Ну, и время такое было реформ. Потом эти люди куда-то все исчезли, я остался там один, обо мне забыли. Потом там стали меняться начальники, начальники были все хуже и хуже, все дальше и дальше, так сказать... в общем, этот институт очень быстро превратился в огромное бюрократизированное учреждение, а начинался он с маленькой группы энтузиастов, как быстро все изменилось. Но это эволюция всех учреждений, которые вначале создаются, может быть, какими-то энтузиастами, а потом превращаются... И там стали, конечно, начальники такие откуда-то сверху, как всегда, может быть из Лубянки в конечном счете. И им было запаadlo общаться с рядовыми научными сотрудниками, они же общались только через кого-то и, видимо, за меня Замятин и кто-то чего-то говорил. А зарплата у меня была низкая, потому что меня перевели на полставки.

Ю. С.: Понятно.

Б. Р.: Хотя я там держал свою трудовую книжку. И что же я это время делал...

Ю. С.: Борис Борисович, у меня кончилось видео.

Б. Р.: На сегодня все, что ли?

Ю. С.: На сегодня все.

Б. Р.: Ну, ладно.